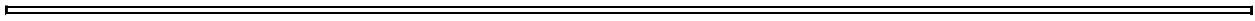

- Де Камп Лион Спрэг , Картер Лин

○

- notes

○

Де Камп Лион Спрэг , Картер Лин

Тени в Замбуле

Спрэг ДЕ КАМП
Лин КАРТЕР
ТЕНИ В ЗАМБУЛЕ

Конан, как и собирался, прибыл в Замбулу, где очень быстро промотал свои деньги в колоссальной гулянке. Через неделю обжорства, пьянства, драк, распутства и азартных игр он в очередной раз оказался перед лицом нищеты.

1. БАРАБАННЫЙ БОЙ НАЧИНАЕТСЯ

- В доме Арама Бакша скрывается опасность!

Голос говорившего дрожал от искренности и его тонкие пальцы с черными ногтями вцепились в мускулистую руку Конана, когда он прокаркал свое предупреждение. Это был крепкий загорелый мужчина с всклокоченной черной бородой. Его рваная одежда выдавала в нем бродягу. Он выглядел меньше и слабее, чем обычно рядом с гигантом киммерийцем с его черными бровями, широкой грудью и мощными руками и ногами. Они стояли на углу Базара Оружейных Дел Мастеров, а на другой стороне от них проплыval многоязыкий, многоцветный поток замбульских улиц. Этот поток был экзотическим, смешанным, пестрым и крикливым.

Конан оторвал свой взгляд от проходившей мимо темноглазой, красногубой ганарки, чья короткая юбка с длинным вырезом обнажала коричневые бедра при каждом вызывающем шаге, и посмотрел вниз на назойливого попутчика.

- Какую опасность ты имеешь в виду? - спросил он.

Житель пустыни украдкой поглядел через плечо, перед тем как ответить, и понизил голос:

- Кто может сказать? Но жители пустыни и путешественники ночевали в доме Арама Бакша и после этого их никогда не видели и ничего о них не слышали. Что с ними случилось? Он клянется что утром они вставали и уходили своим путем... и верно то, что ни один горожанин никогда не исчезал из его дома. Но никто больше не видел путешественников и люди говорят, что узнавали их добро и снаряжение на базарах. Если их не продал Арам, расправившись с владельцами, то как они там оказались?

- У меня нет никакого добра, - проворчал киммериец, взявшиyсь за

окаймленную шагренью рукоятку палаша, который висел у него на поясе. - Я даже продал свою лошадь.

- Но ночью из дома Арама Бакша исчезали не только богатые странники! - сказал зуагирец. - Нет, бедные жители пустыни тоже ночевали там, потому что плата там меньше, чем в других тавернах, и их после этого никогда не видели. Однажды зуагирский вождь, чей сын исчез таким образом, обратился к сатрапу Джунгиру Хану, который приказал солдатам обыскать дом.

- И они нашли набитый телами подвал? - спросил Конан, полунасмехаясь.

- Нет! Они не нашли ничего! И выпроводили вождя из города с угрозами и проклятиями! Но, - он приблизился ближе к Конану и с дрожью прошептал, нашли кое-что другое! На краю пустыни, за домами, есть несколько пальм и в этой рощице есть яма. И в этой яме находили человеческие кости, обугленные и почерневшие. И не однажды, а несколько раз!

- И что это доказывает? - проворчал Конан.

- Арам Бакш - это демон! Нет, в этом проклятом городе, который построили стигийцы и которым правят гирканцы, где белые, коричневые и черные люди смешались вместе, произведя гибридов из разных оттенков и разных племен - кто может сказать, где человек, а где притаившийся демон? Арам Бакш - это демон в человеческом облике! Ночью он принимает свое истинное обличье и относит своих постояльцев в пустыню, где его собратья демоны из пустыни собираются на тайные сборища.

- Почему же он всегда выбирает только чужаков? - скептично спросил Конан.

- Жители города не потерпят, если он будет убивать их людей, но им нет дела до чужеземцев, которые попадают в его руки. Конан, ты с Запада и не знаешь тайн этой древней земли. Но с начала времен демоны пустыни поклоняются Йогу, Лорду Опустевших Жилищ. Они поклоняются ему огнем... огнем, который пожирает человеческие жертвы.

Будь осторожен! Ты прожил много месяцев в палатах зуагирцев и ты наш брат! Не ходи в дом Арама Бакша!

- Исчезни! - неожиданно сказал Конан. - Вон там идет отряд городской стражи. Если они тебя увидят, то могут вспомнить о лошади, украденной из конюшни сатрапа...

Зуагирец задышал с трудом и судорожно задвигался. Он быстро спрятался между палаткой и каменной лошадиной кормушкой, задержавшись ровно настолько, чтобы успеть сказать:

- Будь осторожен, мой брат! В доме Арама Бакша демоны!
Затем он помчался вниз по узкой аллее и исчез.

Конан подтянул свой широкий пояс для меча и стал спокойно наблюдать изучающим взглядом за отрядом стражников, проходившим мимо. Они посмотрели на него с любопытством и подозрительностью, так как он был человеком, который выделялся даже в такой пестрой толпе, которая битком забила извилистые улицы Замбулы. Его голубые глаза и чужестранные черты лица выделяли его из восточной толпы, а прямой меч только усиливал это отличие.

Стражники не обратились к нему, а пошли вниз по улице, когда толпа широко расступилась перед ними. Они были пелиштийцами, приземистые, крючконосые, с черно-синими бородами, метущими по спрятанной под кольчугой груди - наемники, нанятые для выполнения работы, которую сами туранцы считали для себя недостойной. Население Замбулы их ненавидело. Конан посмотрел на солнце, начинавшее садиться за плоские крыши домов на западной стороне базара, и поправив еще раз свой пояс отправился в сторону таверны Арама Бакша.

Походкой горца он двигался по разноцветным улицам, на которых рваные туники хнычущих нищих задевали отделанные горностаем халаты надменных купцов и усыпанный жемчугом атлас богатых куртизанок. Впереди сутилились гигантские черные рабы, толкая чернобородых странников из шемитских городов, кругом вертелись оборванные бродяги из прилегающих пустынь, торговцы и авантюристы со всех стран Востока.

Коренное население было не менее разнородным. Сюда несколько веков тому назад пришли стигийские армии, собрав из восточных пустынь империю. Замбула был небольшим торговым поселком, окруженным оазисами и населенным потомками бродяг. Стигийцы превратили его в большой город и наполнили своими людьми, а также шемитскими и кушитскими рабами. Постоянные караваны, пересекающие пустыню с востока на запад и обратно, приносили богатство и еще больше смешивали расу. Затем с востока пришли туранские завоеватели и отодвинули назад границы Стигии, и сейчас, в течении жизни целого поколения Замбула была самой западной туранской сторожевой заставой, управляемой туранским сатрапом.

Галдеж мириад языков ударил в уши киммерийца, когда беспокойные замбульские улицы окружили его, рассекаемые то там то здесь отрядом цокающих всадников, высокими, стройными туранскими воинами с темными ястребиными лицами, звенящими своими кривыми саблями. Толпа разбегалась из-под копыт их лошадей, так как они были хозяевами

Замбулы. Но высокие угрюмые стигийцы, стоящие в тени, яростно сверкали глазами, вспоминая о былой славе. Смешанное население мало волновало, будет ли их судьбами управлять король, живущий в сумрачном Хеми или в блестящем Аграпуре. Замбулой правил Джунгир Хан, но люди шептали, что Нафертари, возлюбленная сатрапа, правит Джунгиром Ханом; но люди шли своей дорогой, щеголяя мириадами своих красок на улицах, торговали, спорили, играли в азартные игры, пьянистовали, любили, как это делало население Замбулы все века с того времени, как ее башни и минареты поднялись из песков Харамуна.

Бронзовые фонари с высеченными на них злобно глядящими драконами зажглись на улицах до того, как Конан добрался до дома Арама Бакша. Таверна находилась в самом конце улицы, идущей на запад. От домов с востока ее отделял широкий сад, окруженный стеной, в котором густо росли финиковые пальмы. К западу от таверны находилась еще одна пальмовая роща и проходя через нее улица переходила в окруженную пустыней дорогу. Через дорогу от таверны, в тени пальмовых деревьев, стоял ряд покинутых хижин, в которых обитали только летучие мыши да шакалы. Когда Конан спустился вниз по дороге, он задумался, почему нищие, которых так много в Замбуле, не заняли эти пустые дома, чтобы ночевать в них. Свет за ним потух. Больше здесь не было фонарей, кроме того, что висел над воротами таверны: только звезды, мягкая пыль дороги под ногами и шорох пальмовых листьев от легкого пустынного ветерка.

Ворота Арама выходили не на дорогу, а на аллею, идущую между таверной и садом финиковых пальм. Конан резко подергал веревку, свисавшую от колокольчика рядом с фонарем, а затем добавил шума, заколотив по обитым железом воротам из тикового дерева рукояткой своего меча. Смотровое окошко в воротах открылось и черное лицо стало всматриваться сквозь него.

- Открывай, чтоб ты сгорел, - потребовал Конан. - Я постоялец. Я заплатил Араму за комнату и я эту комнату получу, клянусь Кромом!

Негр вытянул свою шею, осматривая в звездном свете дорогу за Конаном; но он без комментариев открыл ворота и затем снова закрыл за киммерийцем, закрыв их на замок и на засов. Стена была необычно высокой; но в Замбуле было много воров и дом на краю пустыни должен быть хорошо защищен оточных набегов бродяг. Конан зашагал сквозь сад, где большие бледные цветы покачивались в звездном свете, и зашел в столовую комнату, в которой за столом сидел стигиец с бритой головой студента, над чем-то размышляющий, и какие-то неразборчивые фигуры спорили за игрой в кости в углу.

Арам Бакш вышел вперед мягкой походкой. Это был дородный мужчина с черной бородой, доходившей до груди, выступающим крючковатым носом и маленькими черными глазками, которые беспрестанно бегали по сторонам.

- Вы хотите поесть? - спросил он. - Выпить?

- Я съел кусок говядины и буханку хлеба в саке, - ответил Конан. Принеси мне кружку газанского вина. У меня найдется чем заплатить за нее. - Он бросил медную монету на заляпанный вином прилавок.

- Вы выиграли за игорным столом?

- Как я мог, начиная с одной горстью серебра? Я заплатил тебе за комнату этим утром, так как знал, что скорее всего проиграю. Я хотел быть уверенным, что этой ночью у меня будет крыша над головой. Я заметил, что в Замбуле никто не спит на улицах. Все нищие выискивают убежища, которые они баррикадируют перед темнотой. В городе должно быть полно очень кровожадных разбойников.

Он жадно выпил дешевое вино с приятным привкусом и пошел вслед за Арамом из столовой. Игрохи остановили свою игру и посмотрели ему вслед таинственным задумчивым взглядом. Они ничего не сказали, но стигиец засмеялся страшным смехом, полным нечеловеческого цинизма и насмешки. Другие беспокойно потупили свои глаза, избегая взглядов друг друга. Если изучаешь искусство, которым овладевал стигийский студент, необязательно испытывать обыкновенные человеческие чувства.

Конан пошел за Арамом по коридору, освещенному медными лампами, и ему не понравилась бесшумная походка хозяина. Ноги Арама были обуты в мягкие комнатные туфли, а коридор был застелен толстыми турецкими коврами; в вороватой походке замбульца было что-то отталкивающее.

В конце извилистого коридора Арам остановился у двери, поперек которой на крепких металлических скобах был установлен тяжелый железный засов. Арам поднял его и показал киммерийцу хорошо обставленную комнату. Конан мгновенно заметил, что ее окна были маленькими и заделаны железными прутьями, со вкусом позолоченными. На полу были ковры и кушетка в восточном стиле и табуретки с вырезанным на них орнаментом. Это была комната намного более удобная чем та, за которую Конан мог бы заполучить за эту же цену ближе к центру города... факт, который прежде всего волновал его в то утро, когда он обнаружил, как сильно похудел его кошелек за несколько дней безумного разгула. Он приехал в Замбулу из пустыни всего неделю тому назад.

Арам зажег бронзовую лампу и обратил внимание Конана на две двери. Обе были оборудованы тяжелыми засовами.

- Сегодня ночью ты будешь спать в полной безопасности, киммериец, сказал Арам, мигая глазами над своей пышной бородой из внутреннего дверного проема.

Конан хмыкнул и бросил свой обнаженный палаш на кушетку.

- У тебя крепкие засовы и прутья; но я всегда сплю с обнаженным оружием.

Арам не ответил; какое-то мгновение он стоял, теребя свою бороду и глядя на зловещее оружие. Затем молча ушел, закрыв за собой дверь. Конан установил засов на место, пересек комнату, открыл противоположную дверь и выглянулся наружу. Комната была на той стороне дома, что выходила на дорогу, бегущую на запад из города. Дверь выходила в маленький дворик, окруженный своей собственной стеной. Стены, которые отделяли его от остальной части таверны, были высокие и без дверей; но стена, выходившая на дорогу, была низкой и на ее воротах не было никакого замка.

Конан стоял некоторое время в двери. За ним мерцала бронзовая лампа. Он посмотрел на дорогу туда, где она исчезала среди пальм. Их листья слабо шелестели на легком ветерке; за ними лежала голая пустыня. Далеко вверх по улице, с другой стороны до него слабо доходил свет и шум города. Здесь же был только звездный свет, шепот пальмовых листьев, а за низкой стеной дорожная пыль да покинутые хижины, выставившие свои плоские крыши низким звездам. Где-то за пальмовой рощей послышался звук барабана.

Ему вспомнились предупреждения зуагирца. Сейчас они казались ему менее фантастическими, чем тогда, на заполненных толпой, освещенных солнцем улицах. Конан снова задумался над загадкой этих пустых хижин. Почему нищие их избегали? Он вернулся обратно в комнату, закрыл за собой дверь и запер ее на засов.

Свет начал мерцать. Конан склонился над лампой и выругался, обнаружив, что пальмового масла в ней почти не осталось. Он собрался было позвать Арама, но затем пожал плечами и задул свет. В мягкой темноте он растянулся одетый на кушетке, его мускулистая рука инстинктивно нашла и придинула ближе рукоятку палаша. Глядя лениво на звезды через зарешеченное окно, слушая шорох ветерка в пальмовой роще, он погрузился в сон, смутно осознавая приглушенный барабанный бой из пустыни - низкий бой обтянутого кожей барабана, возникающий от мягких, ритмичных ударов широкой черной руки...

2. УКРЫВАЮЩИЕСЯ В НОЧИ

Киммерийца разбудила открываемая тихонько дверь. Он просыпался

не так, как цивилизованные люди, тупые, сонные, напичканные наркотиками. Он проснулся мгновенно, с ясным рассудком, распознавая звук, который оборвал его сон. Напряженно лежа в темноте он увидел, как наружная дверь медленно открывается. В освещенном звездами расширяющемся проеме он увидел большую черную массу, широкие, ссутулившимися плечи и искаженной формы голову, закрывавшую звезды.

Конан почувствовал, как по спине между лопатками побежали мурашки. Как можно было открыть дверь без вмешательства потусторонних сил? И как человек мог обладать головой похожей на ту, что маячила на фоне звезд? Все истории о дьяволах и гоблинах, что он слышал в зуагирских палатах, припомнились ему и капельки липкого пота побежали по его телу. В этот момент монстр пригнувшись и с неуклюжей походкой бесшумно проскользнул в комнату; знакомый запах защекотал ноздри киммерийца, но не разубедил его, так как в зуагирских легендах говорилось, что именно так пахнут дьяволы.

Конан бесшумно поджал свои ноги; его обнаженный меч был в правой руке и когда он ударили, это было так неожиданно и убийственно, словно тигр бросился в атаку в темноте. Даже демон не смог бы избежать этого взрывного натиска. Его меч прошел сквозь плоть и кости и что-то тяжело упало на пол с придушенным криком. Конан приник в темноте над ним, занеся свой меч. Дьявол ли, животное или человек, но это создание на полу было мертвым. Он почувствовал смерть, как ее чувствует любая дикая тварь. Он посмотрел сквозь полуоткрытую дверь в освещенный звездами дворик. Ворота были открытыми, но во дворе было пусто.

Конан закрыл дверь, но не стал запирать ее на засов. Двигаясь ощупью в темноте, он нашел лампу и зажег ее. В ней было достаточно масла, чтобы посветить около минуты. Спустя мгновение он склонился над фигурой, которая растянулась на полу в луже крови.

Это был гигантский черный мужчина, одетый только в набедренную повязку. Одна рука все еще сжимала дубинку с сучковатым концом. Его курчавая шевелюра образовывала похожие на рога веретена от застрявших там палочек и высохшей грязи. Эта варварская прическа и искажала форму головы, когда та возникла на фоне звезд. Обнаружив ключ к разгадке, Конан оттопырил толстые красные губы и проворчал, когда увидел подпиленные кончики зубов.

Теперь он понял, почему из дома Арама Бакша исчезали чужеземцы; понял загадку барабанного боя, доносившегося из-за пальмовых рощ и загадку ямы с обугленными костями - ямы, в которой под звездами поджаривалось мясо чужеземцев, пока черные bestии сидели на корточках,

ожидая утоления своего отвратительного голода. Мужчина на полу был рабом-каннибалом из Дарфара.

В городе много людей такого рода. Открыто каннибализм в Замбуле не допускался. Но теперь Конан знал, почему люди так надежно закрывались на ночь и почему даже нищие избегали открытых аллей и лишенных дверей хижин. Он фыркнул от отвращения, когда представил себе, как грубые черные тени крадутся там и тут по ночным улицам в поисках человеческой жертвы - и таких людей, как Арам Бакш, которые открывали им двери. Хозяин гостиницы был не демон; он был еще хуже. Рабы из Дарфара были ворами, пользующимися дурной славой; без сомнения, они давали Араму Бакшу кое-что из украденного. А он платил им за это человеческой плотью.

Конан задул свет, шагнул к двери, открыл ее и пробежал рукой по орнаментам с наружной стороны. Один из них был подвижным и открывал внутренний засов. Комната была западней, в которую словно кролики, попадались человеческие жертвы. Но в этот раз вместо кролика в нее попался саблезубый тигр.

Конан вернулся к другой двери, поднял засов и надавил на нее. Она была неподвижной и он вспомнил про засов с наружной стороны. Арам не оставлял ни одного шанса людям, которые попадались сюда. Взявшись за свой пояс для оружия, киммериец вышел во двор и закрыл за собой дверь. Он не собирался откладывать сведение счетов с Арамом Бакшем. Он задумался о том, сколько же бедняг было убито дубинкой и утащено из комнаты по дороге, которая бежала сквозь тенистые пальмовые рощицы к яме для поджарки.

Он остановился во дворе. Барабанный бой все еще приглушенно шумел в темноте и он заметил слабое мерцание красного огонька в рощице. Каннибализм был больше, чем просто извращенный аппетит черных людей из Дарфара; это была неотъемлемая часть их страшного культа. Черные хищники уже собрались на свое тайное сорище. Но если чье-то тело и наполнит их животы, это будет не его тело.

Чтобы добраться до Арама Бакша, ему нужно было вскарабкаться на одну из стен, которые отделяли дворик от главной части таверны. Они были высокими, чтобы обеспечить защиту от людоедов; но Конан отличался от родившихся в болотной местности негров; его мышцы стали стальными еще в отроческом возрасте, который он провел на отвесных утесах своих родных гор. Он стоял в фуре от ближайшей стены, когда эхо отразило крик, раздавшийся между деревьями.

Через мгновение Конан уже стоял насторожившись у ворот, наблюдая

за дорогой. Звук доносился из теней за хижинами через дорогу от него. Он услышал безумный задыхающийся и булькающий звук, который мог быть результатом отчаянной попытки закричать, когда черная рука зажимала рот своей жертвы. Плотная группа фигур вышла из теней за хижинами и отправилась по дороге - три огромных черных мужчины несли стройную сопротивляющуюся фигуру. Конан уловил мелькание белых конечностей, корчившихся под светом звезд, и в этот момент в конвульсивном рывке пленница выскоцила из хватки грубых пальцев и понеслась назад по дороге. Это была стройная молодая женщина, нагая, как в день своего рождения. Конан отчетливо разглядел ее до того, как она скрылась в тенях между хижинами. Негры мчались за ней по пятам и снова в тенях фигуры слились и невыносимый крик муки и ужаса донесся оттуда.

Доведенный до бешенства этим отвратительным эпизодом, Конан понесся через дорогу.

Ни жертва, ни похитители не осознали его присутствия, пока мягкий шорох пыли под его ногами не сказал им об этом; но в этот момент он был уже почти над ними, несясь как горный ветер. Двое негров развернулись, чтобы встретить его, поднимая свои дубины. Но они недооценили скорость, с которой он приближался. Один из них упал распотрошенный до того, как смог ударить, и, по-кошачьи развернувшись, Конан уклонился от удара другой дубины и хлестнул свистящим ответным ударом. Голова негра подпрыгнула в воздух; безголовое тело сделало три шатающихся шага, брызгая кровью, ужасно махая руками, и затем грохнулось в пыль.

Оставшийся каннибал бросился назад с придушенным воплем, бросив свою пленницу. Она покатилась в пыли, а негр в панике помчался к городу. Конан несся за ним по пятам. От страха у негра на ногах будто выросли крылья, но еще до того, как они достигли самой восточной хижины, он ощутил смерть у себя за спиной, и заревел, словно бык на бойне.

- Черная собака Ада! - Конан воткнул свой меч между темными плечами с такой мстительной яростью, что широкое лезвие высунулось на половину длины из груди негра. С приглушенным криком негр споткнулся и упал. Конан широко расставив ноги вытянул свой меч из упавшей жертвы.

Только легкий ветерок шумел в листве. Конан тряхнул головой, как лев трясет гривой, и прорычал от неутоленной жажды крови. Но никакие фигуры больше не крались в тенях, перед хижинами под звездами раскинулась пустая дорога. Он развернулся на быстрый топот ног за ним, но это была всего лишь девушка, которая бросилась к нему и обхватила его шею в отчаянных объятиях, обезумевшая от ужасного рока, которого она

только что избежала.

- Полегче, девочка, - проворчал он. - С тобой все в порядке. Как они тебя поймали?

Она пробормотала сквозь рыдания что-то невнятное. Он совсем забыл об Араме Бакше, когда внимательно рассмотрел ее при свете звезд. Она была белой, но явной брюнеткой - обычное явление для перемешанного населения Замбулы - высокая, со стройными гибкими формами. Конан занял удобную позицию для наблюдения. Восхищение зажглось в его огненных глазах, когда он посмотрел на ее великолепную грудь и на тонкие руки и ноги, все еще дрожавшие от борьбы с людоедами. Конан обнял ее гибкую талию и сказал успокаивающее:

- Перестань дрожать, девочка; сейчас ты в безопасности.

От его прикосновения она казалось пришла в себя. Она отбросила назад свои густые, блестящие волосы и пугливо оглянулась через плечо, прижавшись к киммерийцу, будто искала безопасности в близости к нему.

- Они поймали меня на улице, - сказала она передернувшись. Прятались под темной аркой - черные мужчины, словно большие, неуклюжие обезьяны! Сет оказался милосердным ко мне!

- Что ты делала на улице в такое время ночи? - спросил он, очарованный от прикосновения своей руки к ее атласной коже.

Она откинула волосы и бессмысленно уставилась на него. Казалось, она не ощущала его ласк.

- Мой любовник, - сказала она. - Мой любовник выгнал меня на улицу. Он сошел с ума и попытался убить меня. Когда я убегала от него, меня схватили эти твари.

- Такая красавица как ты должна управлять и безумным мужчиной, промолвил Конан, пробегая своими пальцами по ее блестящим локонам.

Девушка потрясла головой, словно оправившись от изумления. Она больше не дрожала, а ее голос стал спокойным.

- Это все из-за злобы жреца... Тотрасмека, верховного жреца Ханумана, который захотел меня... собаки!

- Не нужно проклинать его за это, - усмехнулся Конан. - У старой гиены вкус лучше, чем я думал.

Она проигнорировала незатейливый комплимент и быстро восстановила свое самообладание.

- Мой любовник... молодой туранский солдат. Чтобы навредить мне, Тотрасмек дал ему наркотик, от которого тот сошел с ума. Сегодня ночью он выхватил меч и отправился ко мне, чтобы убить меня в своем безумии, но я сбежала от него на улицу. Негры схватили меня и понесли меня сюда...

Что это было?

Конан уже не стоял на месте. Бесшумный как тень он повел ее за собой за ближайшую хижину, под укрытие беспорядочно разбросанных пальм. Они стояли в напряженно застыв, когда низкий шепот, который они оба услышали, становился все громче и наконец стали различимы голоса. По дороге в направлении из города шла группа из девяти или десяти негров. Девушка схватила Конана за руку и он почувствовал трепет ее гибкого тела.

Сейчас они могли разобрать гортанные слова черных людей.

- Наши братья уже собирались у ямы, - сказал один. - Нам не повезло. Надеюсь, у них останется кое-что и для нас.

- Арам обещал нам человека, - проговорил другой и Конан мысленно пообещал кое-что Араму.

- Арам держит свое слово, - добавил еще один. - Мы получили много людей из его таверны. Но мы хорошо платим. Я сам дал ему десять тюков шелка, которые украл у своего хозяина. Это был хороший шелк, клянусь Сетом!

Негры прошли мимо, босые неуклюжие ноги шлепали по пыли и наконец их голоса замерли вдали на дороге.

- Нам повезло, что те тела лежат за хижинами, - прошептал Конан. Если они заглянут в комнату-ловушку Арама, они найдут там не того, кого ищут. Давай уберемся отсюда.

- Да, давай поспешим! - попросила девушка, снова чуть не переходя в истерику. - Мой любовник бродит где-то по улицам один. Негры могут поймать его.

- Черт бы побрал все это! - рявкнул Конан, когда они отправились к городу параллельно дороге, но держась от нее на расстоянии и скрываясь за хижинами и разбросанными деревьями. - Почему горожане не избавятся от этих черных собак?

- Они ценные рабы, - прошептала девушка. - Их здесь очень много и они могут взбунтоваться, если их лишат плоти, которой они желают. Жители Замбулы знают, что рабы рыщут по ночам на улицах и остаются за закрытыми дверями, если не считать таких непредвиденных событий, которые например случились со мной. Они охотятся за всеми, но как правило им попадаются только чужестранцы. А людей Замбулы мало волнует судьба людей, проезжающих через их город. Такие люди, как Арам Бакш, продают чужестранцев неграм. Он не посмел делать такое с горожанами.

Конан плонул с омерзением и вывел свою спутницу на дорогу, которая

уже перешла в улицу. По ее бокам стояли тихие неосвещенные дома. Пробираться в тени было не в его натуре.

- Куда мы теперь пойдем? - спросил он. Девушка казалось не замечала руки, обнявшей ее за талию.

- В мой дом, чтобы поднять слуг, - ответила она. - Чтобы отправить их на поиски моего любовника. Я не хочу, чтобы город... жрец... любой... никто не должен узнать о его безумстве. Он... он молодой офицер с обещающим будущим. Возможно, мы сможем избавить его от безумства, если только отыщем.

- Если мы найдем его? - проворчал Конан. - Почему ты решила, что я собираюсь рыскать по улицам в поисках лунатика?

Она бросила быстрый взгляд на его лицо и должным образом оценила блеск его голубых глаз. Любая женщина на ее месте поняла бы, что он пойдет за ней куда угодно... по крайней мере в течении некоторого времени. Но, будучи женщиной, она утаила знание этого факта.

- Пожалуйста, - начала она с жалобными нотками в голосе, - у меня больше нет никого, к кому я могла бы обратиться за помощью... Ты такой...

- Ну ладно! - проворчал он. - Хорошо! Как зовут этого молодого мерзавца?

- Зачем... Алафдал. А я Забиби, танцовщица. Я часто танцевала перед сатрапом, Джунгиром Ханом, и его возлюбленной Нафертари, и перед всеми лордами и придворными дамами в Замбуле. Тотрасмек захотел меня и из-за того, что я ему отказалась, он сделал меня невольным орудием его ненависти к Алафдалу. Я попросила у Тотрасмека любовное зелье, не подозревая о глубине его ненависти и коварства. Он дал мне снадобье, которое нужно было подсыпать в вино моего любовника, и поклялся, что когда Алафдал выпьет его, он станет любить меня еще безумней, чем раньше, и будет выполнять любое мое желание. Я тайком подсыпала снадобье в вино любовника. Но выпив его, мой любовник обезумел и случилось то, о чем я тебе рассказывала. Проклятый Тотрасмек, мерзкая змея... у-ууу!

Она конвульсивно схватила Конана за руку и они резко остановились. Они находились в районе магазинов и лотков, пустых и неосвещенных в этот поздний час. Те тянулись вдоль аллеи, а у ее входа неподвижно и молча стоял мужчина. Он склонил свою голову, но Конан уловил причудливый блеск его мрачных глаз, которые не мигая смотрели на них. По спине Конана побежали мурашки, но не от меча в руке человека, а от жуткого сочетания его позы и молчания. Они говорили о безумстве. Конан оттолкнул девушку в сторону и взялся за меч.

- Не убивай его! - стала она умолять его. - Ради Сета, не убивай его! Ты сильный - обезоружь его!

- Посмотрим, - пробормотал он, схватив меч правой рукой и скав левую в молотообразный кулак.

Конан сделал осторожный шаг в сторону аллеи... и с ужасным стонущим смехом турانец бросился на него. Когда он приблизился, то занес свой меч, встав на цыпочки, и вложил всю мощь своего тела в удар. Вспыхнули голубые искры, когда Конан отразил полет лезвия, и в следующее мгновение безумец бесчувственно растянулся в пыли от громового удара левого кулака Конана.

Девушка помчалась вперед.

- О, он не... он не...

Конан быстро склонился, повернув мужчину на бок и пробежал пальцами по его телу.

- Он не сильно ранен, - проворчал он. - Из носа сочится кровь, но это случается с каждым, кто получает хорошую затрещину по челюсти. Через некоторое время он придет в себя и возможно у него будет все в порядке с мозгами. Но все-таки я свяжу его руки поясом для меча. Куда мне теперь его нести?

- Подожди! - Забиби приникла к бесчувственной фигуре, схватив связанные руки, и жадно их изучала. Затем тряхнула своей головой, словно в чем то разочаровалась, и поднялась. Она приблизилась к гиганту киммерийцу и положила свои стройные руки ему на грудь. Ее темные глаза, похожие при свете звезд на драгоценные камни, посмотрели на него.

- Ты мужчина! Помоги мне! Тотрасмек должен умереть! Убей его для меня!

- И засунуть свою шею в туранскую петлю? - проворчал он.

- Нет! - Стройные руки, сильные как податливая сталь, обвились вокруг его мускулистой шеи. Ее упругое тело затрепетало рядом с ним. - Гирканцы не любят Тотрасмека. Жрецы Сета боятся его. Это ублюдок, который правит людьми, используя их пугливость и суеверие. Я служу Сету, туранцы поклоняются Эрлику, а Тотрасмек приносит жертвы проклятому Хануману. Туранские лорды боятся его черного искусства и его власти над смешанным населением, и они ненавидят его. Даже Джунгир Хан и его возлюбленная Нафертари боятся и ненавидят его. Если его убьют ночью в часовне, то убийцу не станут искать чересчур усердно.

- А как насчет его магии? - спросил Конан.

- Ты человек, который привык сражаться. Рисковать своей жизнью - это часть твоей профессии.

- За цену, - согласился он.

- Будет цена! - она вздохнула, поднявшись на цыпочки, и посмотрела ему в глаза.

Близость ее выбиравшего тела зажгла огонь в его венах. До его мозгов доходил аромат ее тела. Но когда его руки сомкнулись вокруг ее гибкой фигуры, она легко увернулась со словами:

- Подожди. Сначала сослужи мне эту службу.

- Назови свою цену, - произнес он с некоторым трудом.

- Подними моего любовника, - указала она, и киммериец встал над ним и легко перебросил высокую фигуру через свое широкое плечо. В этот момент ему казалось, что он мог бы с такой же легкостью поднять дворец Джунгир Хана. Девушка прошептала что-то нежное бессознательному мужчине и в ее поведении не было никакого притворства. Она просто искренне любила Алафдала. Какие бы соглашения она не принимала с Конаном, это не касалось ее отношений с Алафдалом. Женщины более практичны в этих делах, чем мужчины.

- Иди за мной! - Она быстро пошла вперед по улице.

Киммериец легко шагал за ней, не испытывая никаких неудобств из-за своей ноши. Настороженным взглядом он всматривался в черные тени, спрятавшиеся под арками, но не видел ничего подозрительного. Без сомнения дарфарские рабы уже все собирались у своей ямы, в которой они обычно жарили свою добычу. Девушка свернула на узкую улицу и вскоре постучалась в дверь.

Почти мгновенно открылось смотровое окошко в верхней панели и оттуда выглянуло черное лицо. Она нагнулась ближе к открывавшему и быстро что-то прошептала. Заскрипели засовы в своих углублениях и дверь открылась. В мягком свете медной лампы перед ними стоял гигантский черный мужчина. Быстрый взгляд показал Конану, что он не из Дарфара. Его зубы не были подпилены, а его волосы были коротко подстрижены. Он был из Вадая.

Следуя указаниям Забиби Конан передал бесчувственное тело в руки негра и увидел, как молодого офицера уложили на бархатный диван. Не было видно никаких признаков того, что к нему возвращается сознание. Удар, который лишил его чувств, мог свалить и быка. Забиби склонилась над ним на мгновение. Ее пальцы нервно изгибаались и переплетались. Затем она выпрямилась и поманила киммерийца.

Дверь мягко закрылась, за ними щелкнули замки и закрывающееся смотровое окошко скрыло от них мерцание ламп. На улице, при свете звезд Забиби взяла Конана за руку. Ее собственная рука слегка дрожала.

- Ты не подведешь меня?

Он потряс своей гривастой головой, такой массивной на фоне звезд.

- Тогда иди за мной в усыпальницу Ханумана, и да хранят боги наши души!

Они молча двигались по пустынным улицам словно древние фантомы. Возможно, девушка думала о своем любовнике, лежащем без чувств на диване под медными лампами, или пыталась подавить свой страх перед тем, что ждало их впереди, в облюбованной дьяволами усыпальнице Ханумана. Варвар же думал только о женщине, которая шла рядом с ним. Запах ее волос щекотал его ноздри, чувственная аура ее присутствия наполняла его мозги и не оставляла места для других мыслей.

Однажды они услышали звяканье подкованной латунью обуви и шмыгнули в тень угрюмой арки, пока отряд пелиштийских часовых проходил мимо. Их было около пятнадцати; они шли тесной группой, с копьями наизготовку, а у замыкающих на спинах висели обитые латунью широкие щиты, которые защищали их от ударов ножом сзади. Угроза черных людоедов была опасной даже для вооруженных людей.

Как только звяканье их сандалий замерло вдали, Конан и девушка вышли из укрытия и поспешили дальше. Спустя несколько мгновений они разглядели впереди призметистое здание с плоской крышей.

Часовня Ханумана стояла одиноко посреди широкой площади, которая раскинулась под звездами, тихая и покинутая. Усыпальницу окружала мраморная стена с широко открытым главным входом. В этом проходе не было ни ворот, ни каких-либо других заграждений.

- Почему негры не ищут себе здесь поживы? - прошептал Конан. Часовня совсем не охраняется.

Он смог почувствовать как затрепетало тело Забиби, когда она теснее прижалась к нему.

- Они боятся Тотрасмека, как боятся его все замбульцы. Даже Джунгир Хан и Нафертари. Идем! Идем быстрее, пока мое мужество не вытекло из меня, словно вода!

Страх девушки был очевиден, но она не колебалась. Конан вытянул свой меч и зашагал впереди нее, когда они прошли через открытый проход. Он хорошо знал отвратительные обычаи жрецов Востока и понимал, что налетчики на усыпальницу Ханумана должны быть готовы встретиться с ужасами, которые и в страшном сне не приснятся. Он понимал, что очень вероятно, что ни он, ни девушка не выйдут из этой часовни живыми. Но он слишком часто рисковал своей жизнью раньше, чтобы придавать таким мыслям большое значение.

Они вошли в вымощенный мраморными плитами двор, которые тускло поблескивали белым цветом при свете звезд. Короткие и широкие мраморные ступени вывели их к колоннам, поддерживающим портик. Широкие бронзовые двери были широко открыты, как и всегда на протяжении столетий. Но ни один поклонник Ханумана не жег фимиам внутри. Днем мужчины и женщины робко заходили в усыпальницу и клали дары обезьяне-богу на черный алтарь. Но ночью люди избегали часовню Ханумана, как кролик избегает логово удава.

Горящие курильницы наполняли часовню мягким таинственным светом, который создавал впечатление нереальности. Рядом с задней стеной, за черным каменным алтарем сидел бог, устремив неподвижный взгляд на открытую дверь, сквозь которую в течении веков проходили его жертвы. От порога и до алтаря шел неглубокий желобок, и когда ноги Конан нашупали его, он отшатнулся прочь так быстро, словно наступил на змею. Этот желобок был вытоптан ногами огромного числа людей, которые с криками потом умирали на мрачном алтаре.

Грубый в тусклом свете, Хануман злобно смотрел с высеченной маски своего лица. Он сидел не как обезьяна, припавшая к земле, а скрестив ноги как человек, но его вид не стал от этого менее обезьяням. Он был высечен из черного мрамора, его глаза были рубиновыми и горели красным и похотливым огнем, словно угольки из самой глубокой ямы ада. Его большие руки лежали на коленях, ладонями вверх, вытянув длинные пальцы с когтями. В выразительных чертах, в злобном взгляде его развратного лица отражался отвратительный цинизм вырождающегося культа, который поклонялся ему.

Девушка обошла статую и пошла к задней стене, и когда ее гладкий бок коснулся высеченных из мрамора коленей, она отпрыгнула в сторону и передернулась, будто до нее дотронулась какая-то рептилия. Между широкой спиной идола и мраморной стеной с бордюром из золотых листвьев было несколько футов свободного пространства. По обе стороны от идола в стене были двери из слоновой кости под золотыми арками.

- Эти двери ведут в два конца коридора, имеющего форму булавки для волос, - сказала она торопливо. - Однажды я была внутри усыпальницы... однажды! - Она задергала и затряслась своими стройными плечами при воспоминаниях, одновременно и ужасных и отвратительных. - Коридор изгибается как подкова и оба ее конца выходят в эту комнату. Комнаты Тотрасмека идут вдоль этого извилистого коридора и их двери выходят в него. Но в этой стене есть потайная дверь, которая ведет прямо во внутреннюю комнату.

Она пробежала пальцами по гладкой поверхности, на которой не было видно ни единой трещинки или щели. Конан с мечом в руке стоял рядом с ней, настороженно осматриваясь вокруг себя. От тишины и пустоты часовни, мыслей о том, что же находится за этой стеной он испытывал такое чувство, какое испытывает дикое животное, обнюхивающее ловушку.

- А! - девушка наконец нашла спрятанную пружину; квадратный проход широко разинул свою черную пасть в стене. Затем она вскрикнула: "Сет!", и когда Конан бросился к ней, он увидел, как большие руки схватили ее за волосы. Ее повалили с ног и потянули головой вперед в проход. Конан попытался схватить ее, но бесполезно. Его пальцы только скользнули по ее обнаженным ногам и через мгновение она исчезла, а стена стала такой же сплошной, как и раньше. Только с той стороны некоторое время доносились приглушенные звуки борьбы, слабо различимый крик и низкий смех от которого у Конана застыла кровь в жилах.

3. СЖИМАЮЩИЕ ЧЕРНЫЕ РУКИ

С проклятиями Конан так сильно ударил по стене рукояткой своего меча, что мрамор раскололся и его кусочки упали на пол. Но потайная дверь не уступила ему, и рассудок говорил ему, что без сомнения она закрыта на засов с той стороны стены. Развернувшись, он побежал через комнату к одной из дверей из слоновой кости.

Он занес свой меч, чтобы разнести створки, но перед этим слегка толкнул дверь левой рукой. Она легко открылась и он внимательно посмотрел в длинный коридор, который изгибался вдали в тусклом и загадочном свете курильниц, похожих на те, что были в усыпальнице. У косяка двери виднелся тяжелый золотой засов и он слегка коснулся его кончиками пальцев. Слабую теплоту металла мог уловить только человек, чувствительность которого не уступала чувствительности волка. До этого засова дотрагивались - а значит вынули его из скоб - совсем недавно. Все это все более и более становилось похожим на западню. Он должен был знать, что Тотрасмеку становится известно о любом, кто входит в часовню.

Зайти в коридор без сомнения означало оказаться в ловушке, которую подготовил для него жрец. Но Конан не колебался. Где-то здесь, в этом тусклом свете находится в плена Забиби и, насколько он знал жрецов Ханумана, ей будет необходима помощь. Конан пошел по коридору походкой пантеры, готовый ударить вправо или влево.

Слева от него в коридор выходили двери из слоновой кости с арками, и он попытался открыть каждую из них. Но они все были закрыты. Он прошел около семидесяти пяти футов, когда коридор резко повернул налево изгибаясь дугой, о которой упоминала девушка. В этот изгиб выходила

дверь и она поддалась под его рукой.

Он посмотрел в широкую квадратную комнату, освещенную немного лучше чем коридор. Ее стены были из белого мрамора, пол из слоновой кости, потолок из украшенного резьбой серебра. Он увидел диваны из дорогого атласа, подставки для ног из слоновой кости, отделанные золотом, стол в форме диска из какого-то похожего на металл материала. На одном из диванов раскинулся мужчина, глядя на дверь. Он засмеялся, увидев настороженный взгляд киммерийца.

Этот мужчина был одет только в набедренную повязку и сандалии, высоко затянутые ремнем. У него была коричневая кожа, коротко подстриженные черные волосы и беспокойные черные глаза, смотревшие с широкого надменного лица. Его телосложение отличалось неестественными пропорциями. Мощные мускулы играли буграми при самом слабом движении огромных конечностей. Конану никогда не доводилось видеть такие громадные руки. Уверенность гигантской физической силы сквозила в каждом движении и повороте.

- Почему бы тебе не зайти, варвар? - сказал он издеваясь и сделав преувеличенный приглашающий жест.

В глазах Конана появились зловещие огоньки, но он осторожно зашел в комнату держа меч наизготовку.

- Что ты за дьявол? - прорычал он.

- Я Баал-птеор, - ответил мужчина. - Когда-то много лет тому назад и в другой стране у меня было другое имя. Но это имя тоже неплохое, а почему Тотрасмек дал его мне, тебе может рассказать любая девушка из часовни.

- Так ты его собака, - проворчал Конан. - Ладно, будь проклята твоя коричневая шкура, Баал-птеор! Где девушка, которую ты утащил через стену?

- Мой господин принимает ее! - засмеялся Баал-птеор. - Послушай!

Из-за двери, противоположной той, в которую вошел Конан, доносились женские крики, слабые и приглушенные от расстояния.

- Чтоб ты сгорел! - Конан шагнул к двери, но затем повернулся, испытывая покалывание на коже.

Баал-птеор смеялся над ним, и в этом смехе слышалась угроза, от которой волосы Конана на затылке зашевелились и кровожадные убийственные волны ненависти поднялись в его голове.

Он шагнул к Баал-птеору. Суставы его руки, удерживающей меч, побелели. Быстрым движением коричневый мужчина что-то бросил в него светящуюся кристаллическую сферу, мерцающую таинственным светом.

Конан инстинктивно отклонился, но, к его удивлению, шар резко

остановился высоко в воздухе в нескольких футах от его лица. И не упал на пол. Он висел, словно подвешенный на невидимых нитях, в пяти футах над полом. И когда Конан зачарованно посмотрел на него, тот начал вращаться с нарастающей скоростью. И когда он вертелся, он начал расти, расширяться, становиться расплывчатым. Он заполнил всю комнату. Он окутал ее. Он поглотил мебель, стены, самодовольно улыбающегося Баал-птеора. Конан оказался затерянным в тусклом голубоватом тумане быстрого вращения. Ужасный ветер проносился мимо Конана, толкая его, сбивая его с ног, увлекая его в вихрь, который кружился перед ним.

С задыхающимся криком Конан попятился, и наткнулся спиной на твердую стену. От этого касания иллюзия развеялась. Крутящаяся титаническая сфера исчезла, словно лопнувший пузырь. Конан снова очутился в комнате с серебряным потолком, с серым туманом, окутавшим его ноги, и увидел Баал-птеора, сидевшего на диване и трясущегося от бесшумного смеха.

- Сучий сын! - Конан бросился на него.

Но туман поднялся с пола, скрыв от него гигантскую коричневую фигуру. Облака окружили Конана и он испытал неприятное чувство перемещения... И затем комната, и туман, и коричневый человек исчезли. Он стоял один в болотных зарослях высокого тростника. На него, низко опустив голову, несся бизон. Он отпрыгнул, уклоняясь от сабельных рогов и всадил свой меч за передней ногой между ребер в сердце. Но оказалось, что здесь, в грязи умирает не бизон, а коричневокожий Баал-птеор. С проклятием Конан отрубил ему голову; но голова подскочила с земли и лязгнув звериными клыками впилась ему в горло. Несмотря на всю свою силу, он не мог оторвать ее... он задыхался... задыхался; потом налетел какой-то вихрь, раздался оглушительный рев, его тряхнуло от неуловимого воздействия и он снова оказался в комнате с Баал-птеором, чья голова по прежнему крепко сидела на плечах. Он бесшумно смеялся на диване.

- Гипноз! - прошептал Конан, упираясь пальцами в мраморный пол.

Его глаза горели. Эта коричневая собака игралась с ним! Но этот маскарад, эти детские забавы с туманом и тенями в мыслях больше не обманут его. Ему нужно только прыгнуть и ударить и коричневый прислужник превратится в изрубленное тело у его ног. На этот раз его не одурачат воображаемыми тенями... но одурачили.

Странный звук, от которого кровь застыла в жилах, раздался за его спиной. Он развернулся и ударил по пантере, которая приготовилась было прыгнуть на него с металлического стола. И когда он ударил, видение исчезло и его лезвие глухо звякнуло о прочную поверхность. Мгновенно он

ощутил что-то ненормальное. Лезвие прилепилось к столу! Он с силой дернул его. Оно не поддалось. Но это был уже не гипнотический трюк. Стол был гигантским магнитом. Конан схватился за рукоятку обеими руками, но голос за его спиной заставил его обернуться и он оказался лицом к лицу с коричневым мужчиной, который наконец поднялся с дивана.

Слегка выше Конана и значительно тяжелее его, Баал-птеор выискался перед ним, пугая своей развитой мускулатурой. Его могучие руки были неестественно длинными, его большие кулаки то сжимались, то разжимались от конвульсивных подергиваний.

- Твоя голова, киммериец! - начал издеваться Баал-птеор. - Я возьму ее своими голыми руками и сверну, как сворачивают голову птицам. Так сыны Косалы приносят свои жертвы Яджуру. Варвар, ты смотришь на душителя из Йота-понга. В младенчестве меня выбрали жрецы Яджура и все свое детство, отрочество и юность я обучался искусству убивать голыми руками - только так можно приносить жертвы. Яджур любит кровь, и мы не хотим терять напрасно ни одной ее капли из вен наших жертв. Когда я был ребенком, мне давали душить младенцев; когда я стал взрослее, я стал душить юных девушек; юношей я душил женщин, стариков и мальчиков. А когда я достиг зрелости, мне стали поручать убивать взрослых мужчин на алтаре Йота-понга.

Много лет я приносил жертвы Яджуру. Сотни шей были разбиты этими пальцами... - он пошевелил ими перед злыми глазами киммерийца. - Почему я покинул Йота-понг и стал слугой Тотрасмека, тебя не касается. Скоро тебя уже ничего не будет интересовать. Жрецы из Косалы, душители Яджура сильнее, чем можно даже представить. А я самый сильный из них. Своими руками, варвар, я сверну тебе шею!

И словно гибкие кобры его руки сомкнулись на горле Конана. Но киммериец не попытался увернуться или перехватить их, а направил свои руки к бычьей шее косаланца. Черные глаза Баал-птеора расширились, когда он почувствовал, что упругие нити мускул защищают горло варвара. С рычанием он начал предпринимать нечеловеческие усилия и узлы, бугорки и нити мускул вздулись на его массивных руках. А затем из него вырвался задыхающийся стон, когда пальцы Конана сомкнулись на его горле. Какое-то мгновение они стояли как статуи. Их лица исказились от усилий, на висках вздулись алые вены. Тонкие губы Конана обнажили его зубы, когда он сердито зарычал. Глаза Баал-птеора расширились; в них появилось удивление и признаки страха. Оба мужчины стояли неподвижно как скульптуры. Только мышцы расширялись на непреклонных руках и

широко расставленных ногах, но здесь сражались две силы, не укладывающиеся в обычные человеческие представления - силы, которые могли выдергивать деревья с корнями и раскалывать черепа быкам.

Неожиданно из сжатых зубов Баал-птеора вырвался легкий свист. Его лицо посинело. Страх наводнил его глаза. Его мышцы на руках и плечах казалось были готовы разорваться, но мускулы шеи киммерийца не поддавались; они были словно масса переплетенных железных нитей под его отчаянными пальцами. А его собственное тело поддавалось железным пальцам киммерийца, которые вдавливались все глубже и глубже в пружинистые мышцы горла, разрушая их и добираясь до дыхательных путей.

Эта неподвижная группа, походящая на статуи, неожиданно отчаянно зашевелилась, когда косаланец начал выворачиваться и дергаться, пытаясь вырваться. Он отпустил горло Конана и схватил его за запястья, пытаясь оторвать от себя эти неумолимые пальцы.

Неожиданным движением Конан толкнул того назад и поясница Баал-птеора уперлась о стол. Тогда Конан стал перегибать его через край, еще и еще, пока позвоночник чуть не затрещал.

Низкий смех Конана был безжалостным, как звон стали.

- Ты глупец! - просвистел он. - Мне кажется, что ты никогда не видел раньше людей с Запада. Ты считал, что ты самый сильный, потому что ты мог свернуть голову цивилизованным людям, несчастным слабакам, чьи мышцы похожи на гнилые нитки? Черт! Разбей шею дикому киммерийскому быку перед тем, как сможешь называть себя сильным. Я делал это еще до того, как стал зрелым мужчиной... как сделаю сейчас!

И с жестоким усилием он стал поворачивать голову Баал-птеора вокруг оси, пока его побледневшее лицо не вывернулось за левое плечо и его позвонки не хрустнули словно гнилая ветка.

Конан отпустил тело и оно плюхнулось на пол. Он опять повернулся к мечу и взялся за рукоятку обеими руками, широко расставил ноги и уперся ими в пол. По его широкой груди ручейками стекала кровь из ран, которые нанесли ему ногти Баал-птеора, расцарапав кожу на шее. Его черные волосы взмокли, по лицу струился пот, грудь тяжело вздымалась. Несмотря на то, что он презрительно отозвался о силе косаланца, та почти не уступала его собственной. Но он не стал отдыхать, пытаясь восстановить свое дыхание. Он напряг все свои силы и оторвал свой меч от магнита, к которому тот прилип.

Спустя мгновение он толкнул дверь, из-за которой доносились крики и выглянул в прямой коридор, вдоль которого шли двери из слоновой кости.

Дальний конец был закрыт дорогой бархатной занавеской, и из-за этой занавески доносилась демоническая мелодия такой музыки, которой Конан раньше не слышал никогда, даже в ночном кошмаре. Она заставила вздыбиться волосы на его затылке. С ней перемешивался задыхающийся истерический плач женщины. Крепко взявшись за меч, он заскользил по коридору.

4. ТАНЦУЙ, ДЕВОЧКА, ТАНЦУЙ!

Когда Забиби затащили головой вперед через отверстие, которое открылось в стене за идолом, ее первой, ошеломляющей бессвязной мыслью было то, что ее час настал. Она инстинктивно закрыла свои глаза и ожидала, когда на нее обрушится удар. Но вместо этого она почувствовала, что ее бесцеремонно бросили на гладкий мраморный пол и она ушиблась о него своими коленями и бедром. Открыв свои глаза, она пугливо осмотрелась вокруг как раз в тот момент, когда приглушенный удар донесся с другой стороны стены. Она увидела стоящего над ней коричневокожего гиганта, одетого в набедренную повязку, и в противоположном конце комнаты, в которой она оказалась, сидящего на диване мужчину. Он сидел спиной к дорогой черной бархатной занавеске, широкий, дородный мужчина с толстыми белыми руками и змеиными глазками. И по ее телу побежали мурашки, так как это был Тотрасмек, жрец Ханумана, который за долгие годы оплел своей паутиной власти город Замбулу.

- Варвар хочет пробить себе путь через стену, - сказал Тотрасмек сардонически, - но засов держится крепко.

Девушка увидела, что тяжелый золотой засов установлен поперек потайной двери, которая с этой стороны стены была отчетливо видна. Засов и ниши для него могли бы выдержать и натиск слона.

- Ступай открой ему одну из дверей, Баал-птеор, - приказал Тотрасмек.

- Убей его в квадратной комнате на другом конце коридора.

Косаланец поклонился и исчез через дверь в боковой стене комнаты. Забиби поднялась и испуганно посмотрела на жреца, чьи глаза алчно бегали по ее стройной фигуре. Но она была к этому безразлична. Замбульские танцовщицы привычны к наготе. Но жестокость в его глазах заставила ее затрепетать.

- Ты опять пришла в мое убежище, красавица, - промурлыкал он с циничной вежливостью. - Это неожиданная честь. Казалось, что твой предыдущий визит сюда не доставил тебе большого удовольствия и я не смел надеяться, что ты повторишь его. И я приложил все свои усилия, чтобы позабавить тебя интересными переживаниями.

У замбульских танцовщиц не бывает румянца, но огоньки злости,

смешанной со страхом, загорелись в расширяющихся глазах Забиби.

- Толстая свинья! Ты же знаешь, что я пришла сюда не от любви к тебе.

- Нет, - засмеялся Тотрасмек, - ты пришла сюда как глупышка, прокравшаяся ночью с бестолковым варваром, чтобы перерезать мне горло. Почему ты добиваешься моей смерти?

- Ты знаешь почему! - крикнула она, понимая, что сейчас бесполезно притворяться.

- Ты думаешь о своем любовнике, - засмеялся он. - Тот факт, что ты попыталась убить меня говорит о том, что он выпил то снадобье, что я дал тебе. Но разве не ты сама попросила меня об этом? И разве я не дал тебе то, что ты просила, не в силах отказать из-за любви, которую я к тебе испытываю?

- Я просила тебя о снадобье, от которого он бы просто уснул на несколько часов, - горько сказала она. - А ты... ты послал своего слугу с зельем, которое сделало его безумным! Я глупо поступила, обратившись к тебе. Мне надо было понимать, что твои заверения в дружбе были ложью, которой ты хотел скрыть свою ненависть и злобу.

- А зачем тебе было нужно, чтобы твой любовник заснул? возразил он. Наверно, ты хотела украсть у него один предмет, который он тебе никогда не давал - кольцо с драгоценными камнями, которое люди называют Звездой Хорала. Эта звезда была украдена у королевы Офира и та готова насыпать целую кучу золота тому, кто ее вернет. Он умышленно не давал его тебе, так как знал, что этот предмет обладает чудодейственным свойством: если им пользоваться должным образом, он позволяет поработить сердце любого человека противоположного пола. Ты хотела украсть его у него, потому что боялась, что к его магическим свойствам будет найден ключ и он забудет о тебе в поисках любви королев мира. Ты собирались отправить кольцо обратно королеве Офира, которая понимала его силу и могла бы использовать ее, чтобы поработить меня, как это было до того, как кольцо было украдено.

- А зачем оно нужно тебе? - угрюмо спросила она.

- Я знаю о его могуществе. Я могу увеличить с его помощью силу своего искусства.

- Ну что ж! - резко сказала она, - теперь оно у тебя!

- У меня Звезда Хорала? Нет, ты ошибаешься.

- К чему эти лживые уловки? - горько возразила она. - Кольцо было у него на пальце, когда он погнался за мной на улицу. И кольца там не было, когда я опять нашла его. Твои слуги наверняка наблюдали за домом и

отняли его у моего любовника, когда я убежала. К черту все это! Я хочу, чтобы мой любовник снова стал здоровым и невредимым. Ты получил кольцо; ты наказал нас обоих. Почему бы тебе теперь не вернуть ему разум? Ты можешь это сделать?

- Могу, - уверил он, явно развлекаясь при виде ее отчаяния. Он вытащил флакончик из своей одежды. - Здесь находится сок золотого лотоса. Если твой любовник выпьет его, к нему снова вернется рассудок. Да, я буду милосердным. Ты презирала меня и мешала моим делам, и не однажды, а много раз; он постоянно противился моим желаниям. Но я буду милосердным. Подойди и возьми флакончик из моей руки.

Она посмотрела на Тотрасмека с яростным желанием схватить пузырек, но боялась, что это какая-то жестокая шутка. Она робко пошла вперед с протянутой рукой, но он засмеялся и отдернул свою руку обратно. С ее губ уже было готово сорваться проклятие, но какой-то инстинкт заставил ее в этот момент посмотреть наверх. С позолоченного потолка падали четыре сосуда желтовато-зеленого оттенка. Она хотела увернуться, но они не ударились в нее. Они рухнули на пол образовав квадрат. И она вскрикнула, потом вскрикнула опять. Потому что из-под каждой груды черепков поднялась крючковатая голова кобры и одна из них попыталась нанести удар по ее босой ноге. Ее конвульсивное движение при попытке избежать этого удара привело к тому, что она оказалась досягаема с другой стороны и ей снова пришлось отпрыгнуть, чтобы избежать удара мерзкой головы.

Она оказалась в ужасной ловушке. Все четыре змеи качались и наносили удары по ее ступням, лодыжкам, икрям, коленям, бедрам, по любой части ее чувственного тела, до которой можно было дотянуться. Она не могла перепрыгнуть через них или пройти между ними. Она могла только крутиться и прыгать со стороны в сторону, изгибаясь своим телом, чтобы уклониться от ударов. И каждый раз, когда она отскакивала от одной змеи, она оказывалась досягаема для другой, так что ей приходилось носиться со скоростью света. В любом направлении она могла двигаться лишь на небольшое расстояние и крючковатые головы угрожали ей каждую секунду. Только замбульская танцовщица могла выжить в этом мрачном квадрате.

Она сама превратилась в смутное движущееся пятно. Удары проходили мимо нее всего на толщину волоса, но они проходили мимо, когда она противопоставила мелькающие ступни, гибкие руки и ноги, быстрые глаза против ослепительной скорости чешуйчатых демонов, которых ее враг создал колдовством из воздуха.

Откуда-то донеслась тонкая ноющая музыка, смешивающаяся с шипением змей, словно злой ночной ветер проносился через пустые отверстия черепа. Несмотря на то, что ей приходилось двигаться с максимальной стремительностью, она осознала, что удары змей перестали быть случайными. Они подчинялись мрачным звукам сверхъестественной музыки. Они наносили удары в страшном ритме и волей-неволей вращениям и изгибам ее тела пришлось подстроиться под этот ритм. Ее отчаянные движения превратились в танец, по сравнению с которым неприличная заморская тарантелла показалась бы спокойной и сдержанной. Уставшая от стыда и ужаса, Забиби услышала ненавистный веселый голос своего палача.

- Танец Кобр, моя милая! - засмеялся Тотрасмек. - Так танцевали девушки, приносимые в жертву Хануману столетия тому назад, но никто еще не танцевал с такой красотой и изящностью. Танцуй, девочка, танцуй! Сколько времени ты сможешь избегать зубов Ядовитого Народа? Минуты? Часы? Наконец ты устанешь. Твои быстрые, уверенные ноги начнут спотыкаться, твои бедра замедлят свое вращение. Затем отравленные зубы начнут глубоко впиваться в твою плоть, похожую на слоновую кость...

Занавеска за ним дернулась, будто от порыва ветра, и Тотрасмек вскрикнул. Его глаза расширились, а руки конвульсивно схватились за яркую сталь, которая вышла из его груди.

Музыка резко оборвалась. Девушка покачнулась от головокружения в своем танце, вскрикнув от ужасного предчувствия укусов ядовитых зубов... но только четыре струйки безвредного голубого дыма поднялись к потолку вокруг нее, когда Тотрасмек повалился головой вперед с дивана.

Из-за занавески вышел Конан, вытирая свое широкое лезвие. Поглядев на нее из-за укрытия он увидел, что девушка отчаянно танцует между четырьмя извивающимися спиральями дыма, но он догадался что ей они представляются совсем по другому. Он понял, что нужно убить Тотрасмека.

Забиби села на пол, тяжело дыша, но когда Конан отправился к ней, она вновь поднялась, хотя ее ноги дрожали от изнеможения.

- Флакончик! - выдохнула она. - Флакончик!

Тотрасмек все еще сжимал ее своей коченеющей рукой. Девушка безжалостно вырвала его из скрюченных пальцев, а затем начала яростно обыскивать его одежду.

- Какого дьявола, что ты там ищешь? - спросил Конан.

- Кольцо... он украл его у Алафдала. Это наверное случилось, когда он безумный бродил по улицам. О Сет!

Она поняла, что у Тотрасмека его нет. Тогда она начала прыгать по

комнате, срывая обивку дивана, занавески, разбивая установленные сосуды.

Вдруг она остановилась и откинула мокрый локон со своего глаза.

- Я забыла о Баал-птеоре!

- Он сейчас в Аду с разбитой шеей, - успокоил ее Конан.

При этой новости она испытала мстительной удовлетворение, но спустя мгновение яростно выругалась.

- Нам нельзя здесь оставаться. До рассвета осталось совсем мало времени. Младшие жрецы могут в любое время ночи зайти в часовню и если нас застанут здесь, рядом с этими телами, то эти люди разорвут нас на куски. Туранцы не смогут нас спасти.

Она подняла засов с потайной двери и через несколько мгновений они уже были на улице и спешали подальше уйти от молчаливой площади, на которой возвышалась древняя усыпальница Ханумана.

На одной из извилистых улиц недалеко оттуда Конан остановился и остановил свою спутницу, взявшись тяжелой рукой за ее обнаженное плечо.

- Не забывай, что мы договорились о цене... - Я не забыла! - она увернулась. - Но сначала нам нужно пойти к... к Алафдалу!

И через несколько минут черный раб впустил их через дверь со смотровым окошечком. Молодой туранец лежал на диване, его руки и ноги были связаны крепкими веревками. Его глаза были открытыми, но они были как у бешеной собаки, а на губах выступила пена. Забиби передернулась.

- Разожми ему челюсти, - приказала она, и железные пальцы Конана выполнили эту задачу.

Забиби опустошила содержимое флакончика в глотку маньяка. Результат был чудодейственным. Мгновенно тот успокоился. Бешеный блеск в его глазах померк; он посмотрел на девушку озадаченно, но узнавая ее. В его взгляде стали видны признаки возвращения рассудка. Затем он погрузился в нормальный сон.

- Когда он проснется, то будет вполне здоров, - прошептала она, кивнув молчаливому рабу.

С глубоким поклоном он вручил ей маленький кожаный мешочек и набросил ей на плечи шелковую накидку. Ее манера поведения неуловимо изменилась, когда она жестом позвала Конана следовать за ней выходя из комнаты. На улице она повернулась к нему. В ее поведении появилось королевское величие.

- Теперь я должна рассказать тебе правду, - сказала она. - Я не Забиби. Я - Нафертари. А он не Алафдал, бедный гвардейский капитан. Он

Джунгир Хан, сатрап Замбулы.

Конан ничего не сказал; его покрытое шрамами, темное тело стояло неподвижно.

- Я солгала тебе, потому что никому не могла рассказать правду, сказала она. - Когда Джунгир Хан сошел с ума, мы были одни. Никто об этом не знает, кроме меня. Если станет известно, что сатрап Замбулы был безумцем, то мгновенно начнутся возмущения и бунты, как это и планировал Тотрасмек, плетя свои интриги против нас. - Теперь ты видишь, что плата, на которую ты надеялся, невозможна. Возлюбленная сатрапа не... не может быть твоей. Но ты не уйдешь с пустыми руками. Здесь мешок золота.

Она дала ему мешок, который получила от раба.

- Теперь иди, а когда поднимется солнце, приходи во дворец. Я скажу, чтобы Джунгир Хан сделал тебя капитаном своей гвардии. Но ты будешь получать приказы от меня, втайне. Твоим первым заданием будет отправиться с отрядом в усыпальницу Ханумана, якобы для исследования обстоятельств убийства жреца; на самом же деле для поиска Звезды Хорала. Она должна быть спрятана где-то там. Когда ты найдешь ее, то принеси ее мне. А теперь тебе нужно покинуть меня.

Конан кивнул, по прежнему не сказав ни слова, и зашагал прочь. Девушка, наблюдая за плавными движениями его широких плеч, была задета тем фактом, что ничего в его поведении не говорило о том, что он огорчен или сконфужен.

Свернув за угол, он мельком оглянулся, а затем изменил направление движения и ускорил свои шаги. Спустя некоторое время киммериец был в том районе города, где находился Лошадиный Рынок. Там он начал колотить в дверь, пока из окна над ней не высунулась бородатая голова чтобы выяснить о причине беспокойства.

- Лошадь, - потребовал Конан. - Самый быстрый жеребец, какой у вас есть.

- Я никому не открываю ворот в такое время ночи, - проворчал торговец лошадьми.

Конан зазвенел монетами.

- Эй ты, сучий сын! Ты что, не видишь, что я белый и один? Спускаясь, пока я не выломал твою дверь!

Вскоре на купленном жеребце Конан скакал к дому Арама Бакша.

Он свернул с дороги на аллею, которая лежала между строениями таверны и садом финиковых пальм, но не остановился у ворот. Доехав до северо-восточного угла стены, Конан повернулся и поехал вдоль северной

стены. Он остановился в нескольких шагах от северо-западного угла. У стены не росло никаких деревьев, но было несколько кустарников. Конан привязал к одному из них свою лошадь и снова взобрался на седло, но в этот момент услышал низкие приглушенные голоса за углом.

Вынув ноги из стремян, он подкрался к углу и выглянул из-за него. По дороге по направлению к пальмовым рощам шли три человека и по их неуклюжей походке он узнал негров. Они остановились на его зов, прижавшись друг к другу, когда он зашагал к ним с мечом в руках. Их глаза тускло поблескивали при свете звезд. Мерзкое вожделение светилось на их лицах, но они знали, что три ихние дубины не справятся с его мечом. Он тоже это знал.

- Куда вы идете? - с вызовом спросил он.

- Предложить нашим братьям потушить огонь в яме за рощами, - был угрюмый гортанный ответ. - Арам Бакш обещал нам человека, но солгал. Мы нашли одного из наших братьев в комнате-ловушке мертвым. Этой ночью мы останемся голодными.

- Не думаю, - улыбнулся Конан. - Арам Бакш даст вам человека. Видите эту дверь?

Он указал на небольшую, окованную железом дверь в западной стене.

- Ждите здесь. Арам Бакш даст вам человека.

Настороженно попятившись, чтобы не подвергнуться неожиданному удару дубины, он отошел от них и исчез за северо-западным углом стены. Дойдя до своей лошади, он остановился, чтобы убедиться, что негры не крадутся за ним, затем взобрался на седло и встал на нем на ноги, успокаивая беспокойного жеребца тихими словами. Он выпрямился, схватился за парапетную плиту стены, подтянулся и перевалился на нее. Какое-то мгновение Конан изучал то, что находилось внизу. Таверна стояла в юго-западном углу окруженного стенами пространства, остальное место которого занимали сад и рощица. Он никого там не увидел. Таверна была темной и молчаливой, и он знал, что все ее окна и двери закрыты на засовы.

Конан знал, что Арам Бакш спит в комнате, которая выходит на тропинку, петляющую между кипарисами к двери в западной стене. Он словно тень заскользил между деревьями и спустя несколько мгновений легонько постучал в дверь комнаты.

- Кто там? - донесся оттуда ворчливый сонный голос.

- Арам Бакш! - прошипел Конан. - Негры перелазят через стену!

Почти мгновенно дверь открылась и показалась фигура хозяина гостиницы, одетого только в рубашку, с кинжалом в руке. Он вытянул шею,

чтобы разглядеть лицо киммерийца.

- Что там за история... ты!

Мстительные пальцы Конана подавили вопль в его горле. Они вместе упали на пол и Конан вывернул кинжал из руки врага. В звездном свете мелькнуло лезвие и брызнула кровь. Арам Бакш производил жуткие звуки, задыхаясь и захлебываясь кровью, заполнившей рот. Конан поставил его на ноги, опять мелькнул кинжал и большая часть курчавой бороды упала на пол.

Все еще сжимая горло своего пленника, так как человек может бессвязно закричать даже если ему отрезали язык, Конан потянул его по укрытой тенями кипарисов тропинке к обитой железом двери в наружной стене. Одной рукой он поднял засов и открыл дверь. В ней показались три смутные фигуры, которые ждали снаружи, словно черные грифы. В их жадные руки Конан бросил хозяина гостиницы.

Ужасный, захлебывающийся в крови крик вырвался из горла замбульца, но из молчаливой таверны не было никакого ответа. Люди не обращали внимания на крики, доходившие из-за наружной стены. Арам Бакш сопротивлялся словно дикарь, его расширенные глаза яростно уставились на лицо киммерийца. Там не было признаков милосердия. Конан думал о десятках бедняг, которые своей кровавой гибелью обязаны жадности этого человека.

С ликующими возгласами негры потащили его по дороге, насмехаясь над его отчаянной невразумительной скороговоркой. Как могли они узнать Арама Бакша в этой полуобнаженной, окровавленной фигуре с нелепо подстриженной бородой и невразумительным лепетом? До Конана, стоящего за воротами, звуки сопротивления доносились даже тогда, когда фигуры исчезли за пальмами.

Закрыв за собой дверь, Конан вернулся к своему коню, вскочил на него и повернулся на запад, в открытую пустыню, широко обхевав стороной зловещую группу пальмовых рощ. Он вынул из-за пояса кольцо с блестевшими в нем драгоценными камнями, которые при звездном свете стали переливаться всеми цветами радуги. Варвар держал его, любуясь, поворачивая то так, то эдак. Мешок, набитый золотыми монетами, мягко позывкал на луке седла, словно обещая появление большого богатства.

- Интересно, что бы она сказала, если бы поняла, что я узнал в ней Нафертари, а в нем Джунгир Хана в то же мгновение, как я их увидел, размышлял он. - Мне также было известно о Звезде Хорала. Будет веселенькая сцена, когда она догадается, что я стащил кольцо с пальца, когда вязал руки поясом для меча. Но с такой форой им никогда не поймать

меня.

Он мельком оглянулся назад, на тенистые пальмовые рощи, между которыми мерцал красный огонек. В ночи поднимались хвалебные гимны, полные жестокого ликования. С ними смешивался другой звук, нечленораздельный безумный крик, отчаянный лепет, в котором нельзя было различить ни одного слова. Этот звук преследовал Конана, пока тот скакал на запад под бледнеющими звездами.

notes

Notes